

ОРГАНИЗАЦИЯ КАЛМЫЦКОГО ПОСОЛЬСТВА В ТИБЕТ 1737 Г.*

Тепкеев Владимир Толтаевич¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: tvt75@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается организация калмыцкого посольства в Тибет в 1737 г. Несмотря на то, что эта посольская миссия так и не достигла своей цели, вынужденная остановиться на российско-китайской границе, но ее история важна для понимания религиозно-политической жизни Калмыцкого ханства в XVIII в. На основе новых и известных архивных материалов автор фактологически восполняет пробелы в освещении этого события. В частности, публикуется реестр участников и численность данного посольства. Этот документ позволяет понять, по какому принципу формировались подобные духовные миссии.

Автор приходит к выводу, что формирование калмыцкого посольства в Тибет в 1737 г. проходило в благоприятной политической обстановке, которая сложилась на тот период в русско-калмыцких отношениях. Это позволило хану Дондук-Омбо укрепить собственную власть в Калмыцком ханстве.

Ключевые слова: калмыки, Калмыцкое ханство, Дондук-Омбо, калмыцкое посольство, Тибет.

История организации и формирования калмыцких посольств в Тибет в XVIII в. — тема малоисследованная, которая требует особого внимания при рассмотрении общественно-политической жизни Калмыцкого ханства. Некоторые исследователи в рамках своих работ лишь частично затрагивали эту тематику, среди которых можно выделить работы Е.Л. Беспрозванного, А.А. Курапова, А.Г. Митирова и Н.Н. Пальмова [Беспрозванных 2008; Курапов 2007; Митиров 2002; Пальмов 1926]. Поэтому цель данной статьи — подробное рассмотрение процесса организации калмыцкого посольства в Тибет в 1737 г., чтобы понять принципы формирования состава и численности подобных миссий.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ гос. регистрации АААА-А19-119011490038-5)

Признание российским правительством власти Дондук-Омбо в Калмыцком ханстве в 1735 г., но без наличия соответствующей грамоты от Далай-ламы VII не обеспечивало наместнику поддержки большинства владельцев. Очевидно, что калмыцкая знать признавала наличие «ярлыка» на ханскую власть только от духовного лидера, а не от российской императрицы Анны Иоанновны. Поэтому основная задача в организации посольства была сформулирована ханским посланцем Джамбо-Джамцо: «...калмыцкие владельцы по совести своей Дондук-Омбо за действительного хана за тем, что ему того от Далай-ламы было не подтверждено, признать не могли» [цит. по Курапов 2007: 168, 169]. Поэтому Дондук-Омбо сразу же после церемонии стал готовиться к отправке своей посольской миссии в Тибет.

Второй задачей организации посольства было формирование Дондук-Омбо условий для создания собственной династии в Калмыцком ханстве. Об этом правительству стало известно только в марте 1741 г., когда в письме в Коллегию иностранных дел он сообщал, что одной его из личных просьб к Далай-ламе VII был выбор наследником одного из трех сыновей, рожденных от младшей супруги Джан. Российское правительство, по мнению Дондук-Омбо, должно было лишь подтвердить решение высшего духовного лица [Курапов 2007: 169]. Столь принципиальное стремление решить данный вопрос был обусловлен довольно слабым здоровьем хана, который болел многие годы и умер в 1741 г.

По мнению А.А. Курапова, третьей задачей посольства было определение тибетскими иерархами нового духовного главы калмыцкого народа. Смерть в 1736 г. в Петербурге Шакур-ламы, находившегося в оппозиции Дондук-Омбо, поставил вопрос об избрании нового первосвященника, выбор которого, как считало калмыцкое духовенство, был прерогативой Далай-ламы VII [Курапов 2007: 169–170].

Кроме того, задачей посольства было укрепление религиозных кадров из представителей калмыцкого общества, прошедших обучение в тибетских школах. Для этого в состав посольства были включены 10 калмыцких мальчиков, которые должны были получить в Тибете религиозное образование [Курапов 2007: 170]. По всей видимости, на обратном пути посольство должно было привезти тех калмыцких священников, кто уже ранее был туда отправлен и прошел курс обучения.

Еще одним поводом для организации посольства в Тибет была необходимость поминовения умерших представителей духовной и светской знати Калмыцкого ханства. В этот период калмыцкое общество вышло из весьма длительного периода политических междоусобиц и военных катаклизмов, в ходе которых по разным причинам скончалась целая плеяда калмыцких нойонов и лам: Досанг, Лубжи, Шакур-лама, Чидан и другие.

В начале 1737 г. Дондук-Омбо обратился с просьбой к российскому правительству о разрешении отправить посольство к Далай-ламе VII. Правда, в официальном обращении наместник не указал истинную цель миссии, ограничившись мотивами исключительно религиозного характера. Правительство со своей стороны не могло отказать Дондук-Омбо, так как все еще продолжалась русско-турецкая война, в которой калмыцкая конница удачно провела первую военную кампанию 1736 г. и готовилась к новой.

3 марта 1737 г. было дано разрешение об отправке в Тибет калмыцкого посольства численностью 40 человек. Спустя какое-то время состав миссии был увеличен до 70 человек. При этом правительство предоставило калмыцким посланникам различные привилегии и льготы. Прежде всего, им дано было право беспошлинного провоза через границу неограниченного количества товаров и вещей. Как сообщал в Коллегию иностранных дел (далее — КИД) 23 января 1737 г. войсковой атаман Данила Ефремов, Дондук-Омбо на закупку товаров и вещей для провоза в Тибет потратил все 10 тыс. рублей, выданных ему за военную кампанию 1736 г. На всю дорогу до российско-китайской границы и обратно посланцам назначались казенные подводы и пропитание, а также особые провожатые, благодаря которым с калмыков снимались всякие дорожные хлопоты и заботы [Пальмов 1926: 241–242].

Непосредственное участие в обсуждении маршрута движения калмыцкого посольства в Тибет принял вице-канцлер А.И. Остерман. По этому вопросу он имел свое собственное мнение, которое изложил в разговоре с одним из посланцев Дондук-Омбо — Хабуджи. Остерман предлагал ехать в Тибет не через Китай, а через Хиву и Бухару. Он считал, что этот путь от калмыцкой степи был *«способнее и весьма ближе»* [цит. по Пальмов 1926: 242]. Однако на самом деле этот маршрут был более опасным, так как степь между Яиком и Хивой контролировались казаками и случаи ограбления торговых караванов были весьма частыми. Давно прошли те времена, когда волжские калмыки могли позволить себе ездить напрямую в Тибет через ойратские кочевья в Западной Сибири и Джунгарию.

Одним из условий предоставления вышеперечисленных привилегий стало требование Остермана о включении в состав посольства российского пристава, который должен был присоединился к нему в Селенгинске и быть с ним вплоть до прибытия к Далай-ламе [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 89. Л. 42–42об.]. Однако китайские власти запретили въезд в свою страну российским представителям.

В состав посольства правительство распорядилось включить и представителей умершего в 1736 г. в Петербурге Шакур-ламы — бывшего политического оппонента Дондук-Омбо. Они должны были отвезти в Тибет урну с прахом [Пальмов 1926: 242].

Заключительные переговоры по отправке калмыцкого посольства в Тибет вел в Петербурге посланец Дондук-Омбо — Генден. Этот вопрос был официально решен на аудиенции у императрицы Анны Иоанновны. В правительственной грамоте к хану от 17 июля 1737 г. прямо указывалось, что разрешение было дано его *«за верные службы»*. В своем письме к Дондук-Омбо вице-канцлер Остерман подчеркнул, что императрица и впредь готова содержать его *«в своей неотменной милости, якоже и ныне, по прошению вашему, с каким милостивым призрением посланцов ваших к Далай ламе отправить повелела»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л. 452–452об.].

Указ об организации калмыцкого посольства в Тибет был отправлен и региональным властям. Об этом были поставлены в известность астраханские вице-губернатор Соймонов и обер-комендант Юнгер, а царьцынский комендант Кольцов указом от 25 августа 1737 г. был назначен ответственным за снаряжение посольства [Пальмов 1926: 243].

24 ноября Дондук-Омбо прислал Кольцову главу своего посольства Джамбо-Джамцо с письмом, в котором просил как можно скорее отправить посольство в дорогу и предоставил реестр своих и других посланцев. В фондах Национального архива Республики Калмыкия удалось обнаружить перевод с данного реестра.

Состав и численность калмыцкого посольства:

Посланцы Дондук-Омбо — Джамбо-Джамцо и Абуджи с 23 сопровождающими лицами.

Представители владельца Четера и его сына — 3 человека.

Представитель владельца Бая — Абуши, а также посланцы для поминаения покойного владельца Лубжи — 4 человека.

Посланцы для поминаения покойного владельца Бокшурги и представитель его сына Нингбо — 4 человека.

Посланцы старшего ханского сына Галдан-Нормы — 5 человек.

Представитель владельца Бату — 1 человек.

Представители духовенства для поминаения хана и Гунджаба — 2 человека.

Посланцы для поминаения покойного Шакур-ламы — 4 человека.

Посланцы для поминаения эмчи Цорджи — 4 человека;

Представители эмчи Габун Шарапа — 3 человека;

Посланцы для поминаения Досанга — 2 человека;

Посланцы для поминаения рабджамба Цорджи Солом с товарищем — 2 человека;

Посланцы для поминаения Эки Ноюк Абгая — 2 человека;

Посланцы для обучения в школах Тибета — 10 мальчиков [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1626–1627].

Всего — 70 человек.

Данный список интересен тем, что он хорошо иллюстрирует принцип, по которому формировался состав калмыцких посольств в Тибет. Каждый его член представлял интересы своего владельца или духовного лица и выполнял определенную функцию и задачу. Остановимся лишь на нескольких исторических персонажах, фигурировавших в списке.

Выбор главой посольства кандидатуры Джамбо-Джамцо был вполне очевиден. Именно он представлял интересы Дондук-Омбо на русско-калмыцких переговорах в 1735–1737 гг., заложившие основу ханской власти нового правителя. Так, Джамбо-Джамцо участвовал в переговорах Дондук-Омбо с полковником П.Ф. Кольцовым в 1737 г., в ходе которых обсуждались условия участия калмыцкой конницы в военной кампании на Северном Кавказе [Курапов 2007: 167].

Неслучайно наличие в реестре представителей покойного Шакур-ламы, который на протяжении около двадцати лет (с 1718 г.) являлся главным ламой калмыцкого народа, пользовался большим авторитетом и принимал самое активное участие в общественно-политической жизни ханства. Нужно отметить, что Шакур-лама получил образование в Лхасе, а в Калмыкии много лет проводил пророссийскую политику, твердо придерживаясь этой линии в самые сложные периоды калмыцкой истории. Дондук-Омбо считал Шакур-ламу одним из самых главных своих противников и, придя к власти, потребовал от правительства удалить религиозного иерарха из калмыцких улусов. В октябре 1735 г. по правительственному указу бывший хан Церен-Дондук и Шакур-лама были отправлены в Москву, а затем в Петербург. Не прожив и года, Шакур-лама умер в мае 1736 г. Погребальный обряд кремации тела производили с соблюдением многочисленных обязательных обрядов в трех верстах от столицы, рядом с Охтой. В 1737 г. на имя хана Дондук-Омбо пришел правительственный указ о включении в состав посольства несколько духовных лиц, оставшихся после смерти Шакур-ламы, чтобы они смогли с пеплом от его праха отправиться в Тибет [Митиров 2002: 221–223].

Упоминание в списке посольства представителей эмчи Габан-Шараба, автора известного исторического сочинения «Сказание о дербен-ойратах», завершено им как раз в 1737 г., также не удивительно. Он занимал видное место в калмыцком обществе, был знатоком основ тибетской медицины и личным лекарем хана Дондук-Омбо, долгое время поддерживавшим его серьезно пошатнувшееся здоровье. Габан-Шараб, как доверенное лицо хана и как умный, образованный и авторитетный человек, принимал активное участие в политической жизни калмыцкого общества, пользуясь исключительным доверием у Дондук-Омбо при решении и согласовании вопросов дипломатического характера [Митиров 2002: 205–206].

Как видим, для поминаения владельца Досанга, умершего еще в 1731 г., были отправлены два представителя. Старший сын покойного, Чидан, в том же году ходатайствовал перед правительством об отправке праха отца в Тибет, но из-за начавшейся междоусобицы, в ходе которой он погиб в 1734 г. от рук Галдан-Нормо, этот замысел так и не был осуществлен [Бакунин 1995: 88].

В «приставы» к калмыкам из астраханского гарнизона был назначен прапорщик Самарского полка Савелий Неронов с толмачом и солдатом. Они должны были сопровождать калмыцкое посольство до Тобольска по пути через Саратов, Симбирск и Казань. Неронов был обеспечен денежной дорожной казной в размере 934 руб. 42 коп., взятых из царицынских таможенных сборов за счет КИД, и инструкцией относительно того, какие меры принимать в дороге по отношению к калмыкам, чтобы они чувствовали себя довольными [Пальмов 1926: 244].

28 ноября калмыки выехали из Царицына на Дмитриевск (Камышин) на 73 подводках, подготовленных царицынским бургомистром Герасимом Рязановым. 29 ноября полковник Кольцов рапортовал в КИД, а также известил Дондук-Омбо об отправке посольства, а 12 декабря переслал к канцлеру А.И. Остерману личный подарок (нож) от Джамбо-Джамцо [Пальмов 1926: 244].

Однако в конечном итоге калмыцкое посольство, прибыв в 1739 г. на российско-китайскую границу в районе Селенгинска, так и не достигло своей цели, поскольку было задержано. Цинские власти отказались пропускать через свою территорию калмыков, поскольку в его составе находились 10 калмыцких мальчиков для обучения в тибетских школах, четверо русских представителей и отсутствие официальной грамоты от Сената. В ходе дальнейших российско-китайских переговоров в 1741 г. пекинское правительство окончательно ответило отказом на пропуск через свою территорию посольства, сославшись на мирный трактат 1728 г. между Россией и Китаем, в котором российским подданным официально запрещалось посещать Тибет. Тем самым китайская сторона официально стала считать калмыков российскими подданными: *«которые из тех калмыков напред сего были пропускаемы, и то чинено для того, что оные тогда российскими подданными не назывались»* [цит. по Пальмов 1926: 246–247].

На самом деле отказ в пропуске калмыцкого посольства стал ответом на отклонение российским сенатом просьбы китайских властей о дозволении волжским калмыкам принять участие в военных операциях цинской армии против Джунгарского ханства [Беспрозванных 2008: 143; Пальмов 1926: 247]. Смерть Дондук-Омбо в 1741 г. освободило российское правительство от принятых обязательств и необходимости далее продолжать переговоры с цинской стороной о разрешении калмыкам въехать на территорию Китая.

В заключении отметим, что формирование калмыцкого посольства в Тибет в 1737 г. проходило в благоприятной политической обстановке, сложившейся на тот период в русско-калмыцких отношениях. Активное и успешное участие калмыков в русско-турецкой войне создало все условия для отправки в Тибет довольно многочисленного представительства, и Дондук-Омбо попытался воспользоваться этим, чтобы укрепить собственную власть в Калмыцком ханстве.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Беспрозванных Е.Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 372 с.

Курапов А.А. Буддизм и власть в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 248 с.

Митиров А.Г. Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.

Пальмов Н.Н. Этюды по истории волжских калмыков. Ч. I: XVII и XVIII века. Астрахань: Калм. обл. исполн. ком-т, 1926. 264 с.